

С двумя помощниками подготовительная работа у Чэнь Дуна и Хань Сюня пошла куда сноровистее.

Е Синью работал графическим дизайнером в одной компании, глаз придирчивый и с хорошим вкусом. У панорамного окна он соорудил из томов «Великого детектива Фу Сяосы» небольшой витринный стенд, а рядом пристроил временное гнёздышко для кролика — взгляд сразу так и цеплялся.

Чай Цзюнь вешал перед стеллажом баннер: прямо в своей дорогущей одежде таскал стремянку, лазал вверх-вниз и весь перепачкался.

Баннер Хань Сюнь приготовил заранее. На красном фоне белыми буквами было напечатано: «Урок социальной практики учеников начальной школы и встреча-презентация детской книги „Великий детектив Фу Сяосы“». Шрифт жирный, броский, бьющий в глаза — сполна потешил самолюбие Чэнь Дуна.

И впрямь, стоило вывесить растяжку, как Чэнь Дун уже не мог скрыть радостного изумления — тщеславие так и поползло вверх, вот-вот пробьёт высшую отметку.

Чэнь Дун притворно скромничал:

— Ай-яй, а не слишком ли пышно, такое вешать? Мероприятице всего на сорок человек, к чему такая помпа?

— Не пышно. — У Хань Сюня заранее была заготовлена целая речь. — Мероприятие на сорок человек — это только начало, я верю, что в будущем ты будешь устраивать мероприятия на четыреста, на четыре тысячи человек. Вот тогда уж точно будет пышнее, а сейчас — чтобы ты заранее привыкал.

— Ну, ну тогда ладно. — Чэнь Дун съехал по склону и принял объяснение. Он поднял руку, указывая на растяжку, и напомнил: — Идеолог Чай, растяжку-то, кажется, криво повесили, слева бы повыше.

Чай Цзюнь:

—

Ему страшно хотелось сказать: «А, так ты ещё помнишь, что я идеолог?! Я тут до сих пор горбачусь и даже чашки кофе не выпил, какой я тебе идеолог, я уже и думать ни о чём не хочу.»

Но такие слова Чай Цзюнь мог разве что прокрутить в голове. Всё-таки Хань Сюнь ему братишка, да и любопытно было до жути: сумеет ли этот с виду самый заурядный писателишка

и впрямь укротить ораву сорванцов?

Мероприятие было назначено на два часа, но уже на двадцать минут раньше учительница привела детишек строем к дверям.

Поскольку была суббота, ученики пришли не в школьной форме и без красных галстуков, а в собственной одежде.

По одежке сразу было видно разницу в достатке семей: кто-то в брендовой детской одежде с маленькими джорданами. Кто-то — в ширпотребе из торгового центра с парусиновыми кедами, а кто-то — в вязаном свитере с Куроми, штанах с принтом Куроми, с акриловой резинкой для волос с Куроми, и даже на детских часах наклеена наклейка с Куроми.

Чэнь Дун:

— ...Здравствуй, Рисинка.

Обвешанная с головы до ног всем куромишным, Рисинка сдержанно кивнула. Даже выйдя за пределы школы, она по-прежнему держалась со всеми повадками старшей вожатой дружины.

Детей сопровождали всего три учительницы, и среди них одна, помоложе, учительница Сяо Гао — главная контактная по этому мероприятию.

Учительница Сяо Гао была примерно одних лет с Чэнь Дуном, с аккуратной короткой стрижкой и лёгким, простым макияжем. Вуз она окончила всего два года назад — как раз в той поре, когда к работе горишь больше всего.

Она сама поздоровалась с Чэнь Дуном:

— Вы ведь и есть учитель Чэнь Дун? Я заранее посмотрела ваши произведения. А сколько в них детской непосредственности, я очень жду вашу сегодняшнюю встречу.

Неважно, любезничала она или нет, Чэнь Дуну в любом случае было приятно. Он по очереди представил ей остальных троих:

— Это Хань Сюнь, наш лучший (и единственный) бариста. Это Чай Цзюнь, наш хозя... А, нет, идеолог. А вот это Е Синью, мой друг, он пришёл помочь на добровольных началах.

Учительница Сяо Гао достала телефон:

— Дело вот в чём: каждый раз, когда наша школа проводит такое внеклассное практическое мероприятие, мы обязаны создавать группу-чат для связи между родителями, учителями и принимающей стороной. Мы будем выкладывать туда фото, делиться ходом мероприятия, и ваши будущие произведения, учитель Чэнь Дун, тоже можно будет там рекламировать. Не знаю, удобно ли вам вступить в группу?

Парень давно был наслышан о грозном «родительском чате» и всё хотел на него поглядеть, так что, разумеется, охотно согласился. Вступив, он одним махом затянул туда и остальных троих.

Учительница Сяо Гао посмотрела на новых участников группы.

Учительница Сяо Гао:

— Э-э, а кто это — «@Прекрасное душевное состояние»?

Чэнь Дун вскинул телефон:

— Это я!!!

Учительница Сяо Гао:

— А вот это кто — «@После работы считайте меня покойником»?

Е Синью молча поднял руку.

Учительница Сяо Гао:

— А ещё вот этот — «@Красив-просто-просто-побеждаю-легко-легко»?

Чай Цзюнь пару раз кашлянул, изобразив улыбку человека, уверенного в своей победе.

Учительница Сяо Гао перевела взгляд на последнего, Хань Сюня:

— Тогда ты, выходит...

— Да. — Хань Сюнь кивнул. — Я «@Сюнь».

Учительница Сяо Гао подумала: «Среди этой стаи «дремлющих драконов и юных фениксов» наконец-то нашёлся один нормальный человек — вот уж и впрямь нелегко.»

К счастью, все четверо очень покладисто поменяли свои подписи в группе, иначе она просто не знала бы, как объясняться перед родителями.

Пока взрослые были заняты светским обменом любезностями, детишки давно уже принялись исследовать кофейню.

Кофейня была совсем рядом с начальной школой, почти все дети слышали её название, а добрая половина даже бывала здесь раньше. Сегодня её старательно нарядили, и она разительно отличалась от той, что осталась у них в памяти.

На стеллаже висела броская растяжка, у панорамного окна выставлен набор ознакомительных экземпляров книги, и даже крольчонок в костюме детектива, который как раз грыз в своём гнездышке погрызушку-палочку!

Кролик мгновенно приковал к себе всё внимание. Дети обступили его в три ряда изнутри и в три ряда снаружи, объективы телефонов-часов один за другим нацеливались, снимая, как он своим трёхдольным ртом стремительно обгрызает мелкое лакомство.

— Этот кролик настоящий или ненастоящий?

— Конечно настоящий, смотри, он ещё и ест.

— Какой он тихий, чего ж он не кричит?

— А он печенье ест? У меня печенье с собой.

— А почему у него глаза не красные? В книжке все крольчата нарисованы с красными глазами.

— Хвостик такой коротенький, можно его потискать..?

Один озорник не устоял перед соблазном и потянулся ухватить круглый кроличий хвостик, но не успел коснуться и шерстинки, как сбоку вдруг протянулась белая чистенькая ручка и крепко шлёпнула его по тыльной стороне ладони.

— Ай-яй, ты чего дерёшься?! — Озорник гневно уставился на ту, что его ударила. — Думаешь, раз ты старшая вожатая, так я тебя и испугаюсь?!

— Я тебя ударила не потому, что я старшая вожатая, а потому, что ты невежливый. — Рисинка стояла, уперев обе руки в бока, и говорила с непреклонной беспристрастностью: — Прежде чем трогать чужого питомца, надо спросить у хозяина, согласен он или нет. Или, может, ты хочешь, чтобы твои любимые лимитированные карточки с Ультраменом кто-нибудь хватал как попало, даже не спросив?

Озорник вмиг почувствовал, что неправ, и замолчал.

Заслышав отсюда звуки перепалки, Чэнь Дун поспешно подошёл. Он был «знаменит свирепостью», и дети, едва завидев тирана, тут же расступились, освобождая ему проход.

Парня не заботило, что там дети о нём думают. Характер у него и без того был достаточно мягкий, а будь он ещё мягче, они бы вконец взобрались ему на голову.

— Вы смотрите на кролика? — спросил Чэнь Дун. — Ей в этом году три года, это девочка. Не смотрите, что она кролик, у неё тоже есть агрессивность, если укусит — точно будет больно до слёз, так что вы её как попало не трогайте.

Тот самый смелый озорник явно не поверил:

— Она же кролик, кролики не кусаются, кусаются только собачки!

Чэнь Дун подумал про себя: «Ты и впрямь недооцениваешь силу укуса грызунов.»

Сколько ни объясняй, лучше дать им «увидеть своими глазами». Чэнь Дун прошёлся вокруг, выудил из шкафчика за стойкой USB-кабель для зарядки, который вообще-то собирался выбросить, и протянул его тому самому озорнику.

— Сможешь порвать этот зарядный кабель? Любым способом, кроме ножниц, — сказал он.

Этот шестиклассник был толстячком: ростом под метр шестьдесят, весь в складках жирка, и в школе вечно любил затевать проказы.

Под жадными взглядами одноклассников он взял кабель и принялся тянуть изо всех сил, что было мочи, но, конечно, сколько ни тяни, порвать не получалось.

Кто-то подсказал ему наступить ногой на один конец, а рукой тянуть за другой, но поверхность кабеля была слишком гладкой. Он натёр себе всю ладонь докрасна, а кабель так и не порвался.

Попробовал ещё и грызть зубами — обступившие его одноклассники все как одна скривились в брезгливости, кто-то вполголоса обсуждал: «Фу-у~ Только что ногой топтал, а теперь ртом грызёт, до чего же он негигиеничный», — отчего ему стало неловко продолжать.

Озорник, устав, тяжело отдувался и швырнул кабель из рук:

— Да как это вообще можно порвать?!

И как это он раньше никогда не замечал, рвутся ли провода у него дома?

Чэнь Дун усмехнулся, подобрал тот самый с виду «несокрушимый» провод и поднёс его прямо ко рту кролика.

Рисоварка как раз сосредоточенно грызла погрызушку-палочку, и галдёж людей вокруг был ей совершенно нипочём. Чэнь Дун, улучив момент, выдернул палочку прямо у неё изо рта и сунул туда провод — секунда, всего одна секунда, и он порвался!! Порвался ровнёхонько, будто его разом перерезали самыми острыми ножницами.

Стайка воробушков разом загалдела.

— А??!

— Она что, провод ест?!

— Она перекусила провод!

— Хорошо, что я её только что не трогал, а то как укусила бы — точно было бы больно.

— Точно кровь пойдёт!

— Как страшно, кролик такой страшный...

Рисоварка, конечно же, не ела провод. Просто была у неё дурная привычка ради вредности грызть провода. Чэнь Дун, пока не завёл кролика, и не подозревал, что у того такие опасные зубы. Он поставил кроличье гнездо под рабочий стол, а зарядный кабель от компьютера свисал как раз туда — и наутро, встав, обнаружил, что компьютерный зарядник пришёл в негодность!

И не только зарядник — всякие завязки от худи, шнурки от кроссовок, провод от холодильника... Все жёсткие, длинные, тонкие и упругие шнуроподобные штуки имели для Рисоварки необъяснимую притягательность.

Чэнь Дун бессчётное число раз пытался её отучить, но толку было чуть, оставалось лишь последовать совету ветеринара — уходя из дома, сажать кролика в клетку, чтобы не добирался до проводов.

Если бы сегодня не задумал утвердить свой авторитет перед детишками, он бы и не выпустил это сверхоружие.

К счастью, у Рисоварки «драгоценные зубы ещё не затупились»: один укус и провод порвался,

а заодно оборвались и недоверчивые голоса озорников.

Чэнь Дун покачал проводом в руке — срез был чистым и ровным. Он, щурясь в улыбке, спросил:

— Теперь-то вы знаете, насколько на самом деле опасен этот с виду мягонький-премягонький крольчонок?

Детишки все как один отступили на шаг назад, одновременно отчаянно закивав. Тот озорник, что хотел дёрнуть кролика за хвост, перепугался больше всех: спрятал руки за спину, до смерти боясь, как бы кролик не принял его пальцы за морковку и не отхватил их одним укусом.

— Ну ладно, сейчас уже два часа, хватит пока смотреть на кролика, сначала пойдём делать латте-арт, а как закончим — смотрите на кролика сколько хотите. — Чэнь Дун поднялся и мимоходом выбросил порванный провод в мусорное ведро.

Детишки смотрели на него, потом на Рисоварку, которая преспокойно нежилась в своём гнездышке, уплетая погрызушку-палочку, и в головах у них одновременно всплыла одна мысль: если они сегодня не сделают красивый латте-арт, тиран ведь не скормит их кролику?!

— Как странно, чего это сегодня детишки все такие послушные...? — Учительница Сяо Гао стояла у длинного стола, снимала на телефон, как ученики делают латте-арт, и не могла удержаться от бормотания.

Как молодую учительницу, только что окончившую магистратуру, школа назначила её вести «Урок социальной практики». Этот непрофильный предмет на слух кажется непыльным, но на деле каждый раз на занятии нервы у неё были натянуты до предела. На этом уроке ей приходилось выводить детишек за ворота школы, и безопасность была самой большой проблемой.

В возрасте одиннадцати-двенадцати лет некоторые упитанные дети ростом уже вымахали почти со взрослого, но умом ещё малы, в голове сплошь причудливые фантазии, и опасность резко идёт вверх.

Прежде она водила их заниматься гончарным делом. Несколько детишек ни с того ни с сего принялись швыряться друг в друга гончарной глиной. Поле боя ширилось шаг за шагом, и в итоге пал весь класс, всех детей родители забирали домой отмываться. А ещё как-то ходили учиться печь хлеб. Пока пекли, всё было хорошо, но один ребёнок тайком засунул в хлеб пуговицу (по слухам, хотел повторить обычай с монеткой в пельменях) и принёс домой угостить папу, из-за чего тот глубокой ночью угодил в приёмный покой неотложки...

И тому подобного — не перечить.

Поэтому к этому уроку латте-арта учительница Сяо Гао собрала все свои сто двадцать тысяч долей внимания, до ужаса боясь, как бы эти маленькие предки опять не выкинули чего-нибудь поразительного.

Но что странно, на сегодняшнем практическом занятии детишки были тихими, словно стайка воробушков, забывших, как чирикать.

Несколько столиков выстроили в два ряда, на каждом стоял маленький тазик для слива воды, чашка с широким горлом под размер детской руки и молочник. Детишки надели одноразовые фартуки и, подняв головы, очень внимательно слушали рассказ бариста.

— Латте-арт — это исполнительское искусство, зародившееся в Европе. Если по-простому, это когда на кофе молоком рисуют узор. В мире есть даже специальные соревнования по латте-арту. Поскольку несовершеннолетним нельзя пить кофе, сегодня мы вместо кофейной основы будем использовать горячее какао. — Хань Сюнь стоял между двумя столами, в левой руке держа широкую чашку, в другой — алюминиевый молочник с заранее вспененным молоком. — Я сначала покажу разок, можете подойти поближе и посмотреть.

Детишки тихо-тихо обступили его, даже самые непоседливые малыши, что обычно больше всех носятся вверх-вниз, не озорничали.

Под взглядами нескольких десятков глаз мужчина, как обычно, был невозмутим и собран. Его правая рука слегка приподнялась, чуть создавая зазор, и медленно начала вливать молоко в широкую чашку в левой руке. Поначалу скорость была высокой, уровень стремительно поднимался, а когда дошёл почти до восьми десятых, правая рука чуть изменила угол, придерживая поток, чтобы он постепенно замедлился.

Взбитая в пышную пену молочная пенка, следуя за его движениями, вырисовывала в чашке узор с чёткими линиями. Левая рука то поворачивалась, то замирала, и постепенно узор становился всё отчётливее.

Лишь когда в молочнике иссякла последняя капля, Хань Сюнь легонько выдохнул и осторожно поставил полную до краёв чашку на стол.

— Смотрите, что это за узор? — спросил он.

— Вау — это Куроми! — первой распознала Рисинка.

Хань Сюнь обронил «угу», его взгляд перемахнул через эту стайку детишек и встретился с Чэнь Дуном, стоявшим в хвосте очереди.

Чэнь Дун украдкой показал ему большой палец и одними губами спросил:

— Вау, ты когда это натренировался?

— Не скажу. — Уголок рта Хань Сюня чуть приподнялся, и он тоже одними губами ответил: — Секрет.

Он затаил мысль покрасоваться мастерством и, само собой, не мог рассказать Чэнь Дуну, что ради того, чтобы научиться рисовать Куроми молочной пеной, всё это время после смены задерживался в кофейне на лишние полчаса... И даже так он, бывалый мастер, не раз терпел неудачу.

С таким превосходным началом интерес детишек к латте-арту, как и следовало ожидать, резко вырос.

Хань Сюнь подряд показал ещё лебедя, крольчонка, медвежонка, рождественскую ёлку и прочие сравнительно сложные фигуры, а затем сменил тему и сообщил, что сегодняшний учебный материал — самый начальный узор «сердечко».

— Ну хорошо, разбейтесь на группы по желанию. Я отвечаю за левый стол, дядя Чэнь — за правый стол... — Не успел Хань Сюнь договорить, как детишки всем роем метнулись к левому столу.

Хань Сюнь:

— ?

Чэнь Дун:

—

Чэнь Дун был совершенно сбит с толку. Ему-то казалось, что он довольно располагает к себе, прежде с «Цветущим богатством и роскошью» и компанией так хорошо ладил, почему же дети так его боятся?

Е Синью напомнил ему:

— Они боятся не тебя, они боятся кролика, которого ты держишь.

Чэнь Дун опешил:

— Они же не всерьёз думают, что она может откусить им руку..? Это всего лишь милая Рисоварка!

Вот уж и впрямь недоразумение, которое не объяснишь.

Чэнь Дун неловко стоял за столом: если уж на латте-арте ни один ребёнок не захотел встать к нему в группу, то на последующей встрече-презентации детской книги — станут ли дети и впрямь слушать его рассказ?

Он немного пожалел: «Зря только что напугал того озорника...»

И как раз в момент его досады к нему вдруг направилась чья-то фигура.

— Дядя Чэнь, я с тобой в одной группе.

Рисинка подошла к нему сбоку, резинка с Куроми на её косичке блестела-переливалась, и глаза девочки тоже блестели-переливались.

Чэнь Дун напомнил ей:

— Ты уверена? Но я ведь не умею делать латте-арт с Куроми.

— Ничего страшного, — сказала Рисинка. — Я пришла в твою группу, потому что верю в тебя как в человека. Моя бабушка говорит, что ты основательный, держишь слово и серьёзный человек, у тебя есть чему поучиться.

Чэнь Дун был донельзя тронут. В такой ключевой момент Рисинка, старшая вожатая дружины, по собственной воле встала рядом с ним — это, безусловно, самая весомая поддержка.

— А во-вторых, — снова сказала Рисинка, — То, что ты не умеешь делать латте-арт с Куроми, тоже неважно, потому что у тебя и так вид человека с несогласованными конечностями, так что я заранее морально подготовилась.

Чэнь Дун:

—

Его растроганность во мгновение ока рассыпалась в прах и развеялась дымом.

Это что значит, у него «вид человека с несогласованными конечностями»? Он и бальные танцы танцует прекрасно, и латте-арт у него выходит очень даже неплохо!

Увлечённые примером Рисинки, к группе Чэнь Дуна одна за другой подходили и другие девочки — все они были закадычными подружками старосты и крайне доверяли этой старшей вожатой.

Так состав детских групп и закрепился. На стороне Чэнь Дуна народу было чуть поменьше, человек десять с небольшим, Е Синью помогал ему на подхвате. На стороне Хань Сюня — за двадцать человек, его чуть ли не захлёстывало с головой, а в помощниках был Чай Цзюнь.

Глядя, как орава мелюзги тесно-теснящей толпой обступила Хань Сюня, Чай Цзюнь рядом злорадствовал:

— Хань Сюнь, по-моему, баристой работать — это и впрямь тебя губить, тебе бы пойти в детский сад воспитателем, гляди, как тебя детишки любят.

— По-моему, и идеологом работать тебя тоже изрядно губит. — Добродушный Хань Сюнь скользнул по нему взглядом и ровным тоном произнёс: — Если хочешь сменить работу, можешь подумать, не пойти ли на телевидение метеоведущим.

Чай Цзюнь долго соображал, но так и не понял:

— ...А почему?

— Потому что обнаружил, что ты прямо мастер говорить прохладные ветреные речи, — сказал Хань Сюнь.